

В.В. Гольберт

О ДОБРОЙ ВОЙНЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ХУДОМ СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ

Предметом предлагаемой работы является дискурс о преступности и контроле над нею. Дискурс этот в России, как и в большинстве стран Европы и Северной Америки, в настоящее время характеризуется резким усилением истерических интонаций, репрессивных взглядов и подходов, иррациональных карательных притязаний общественности и системно-рационального карательного популизма правительств и полицейско-пенитенциарной бюрократии. Данное развитие никоим образом не оправдано какими-либо реальными тенденциями развития объективно понимаемой преступности. Оно является оборотной стороной маркетизации общества и политики в духе неолиберального рыночного фундаментализма, представляющего собой в современном мире гегемониальную идеологию и основную угрозу для демократии, правового государства и социальной справедливости; основной фактор как криминогенных процессов, так и тоталитарно-репрессивных тенденций государственного управления; государственного террора и антигосударственного терроризма. В работе подвергаются резкой критике неолиберально-консервативные подходы в политике контроля над преступностью. В качестве первоочередной меры, наиболее эффективной в плане повышения уровня безопасности в обществе, предлагается радикальное ограничение сферы применения уголовной репрессии.

Важность обсуждения проблемы контроля над преступностью обусловлена, в числе прочего, трудностью каких-либо конкретных предложений по его реформированию. Эта трудность является одним из аспектов того, что проф. Я.И. Гилинский определяет как кризис наказания [1, с. 4]. Усиление регрессивно-карательной составляющей контроля над преступностью противоречит здравому смыслу, ограниченности экономических и социальных ресурсов, основным принципам правового и социального государства, представлениям о желаемом направлении развития

общества. В то же время либерализация в этой сфере не соответствует настроениям и пожеланиям масс населения и заявлениям политиков, именно по данному вопросу занимающих, как правило, популистскую позицию. «Кризисность» ситуации и состоит в том, что решения в привычной плоскости — ужесточение/смягчение — оказываются либо бессмысленными, либо невозможными.

Однако из определения ситуации как кризисной не следует оснований для паники. Кризисные состояния, ощущения и восприятия несут в себе импульс к пересмотру привычных, но в новых условиях уже «бессмысленных или невозможных» стратегий решения проблем, заставляя творчески искать новые, нестандартные решения. В свое время результатом такого поиска явилось блестяще описанное Мишелем Фуко становление современной пенитенциарно-дисциплинарно-паноптической системы контроля на месте прежней карательной практики утверждения власти суверена с помощью телесных наказаний и публичных казней. Пользуясь аналогией с медициной, Зигмунт Бауман рассматривает кризис как переломный момент или бифуркационную точку в развитии болезни (или проблемы), где определяются дальнейшие перспективы [2, S. 7]. При этом любая из перспектив, как и эволюция общества в целом, характеризуется высокой степенью амбивалентности*. Вместе с этим возможным и даже необходимым представляется аналитическое различение между тенденциями развития, несущими в себе потенциал саморазрушения и ведущими к социально-катастрофическим последствиям, и теми его аспектами, которые позволяют ожидать более адекватного решения назревших проблем за счет выхода за пределы традиционной плоскости их решения (и постановки). Именно такие нестандартные решения «по иную сторону войны и компромисса», исключая любые варианты «поворота стрелки часов вспять» и обращения к «хорошо забытому старому», представляются на сегодняшний день на сущно необходимыми в сфере социального контроля и политики реагирования на преступность.

Уголовное право — эффективное средство гармонизации экономических отношений и установления социальной справедливости?

Используя столь популярную в нынешнем политическом дискурсе о преступности в странах Западной Европы и Северной Америки военную логику и терминологию [3, S. 21], залог успешных боевых действий можно усматривать, в числе прочего, в концентрации усилий на стратегически важных направлениях. При отсутствии малейшей надежды на достижение консенсуса в отношении критериев оценки важности, позволим себе произвольно отнести экономическую преступность к наиболее важным направлениям, в которых следует развивать «наступление на преступность» и «отвоевывать сферы жизнедеятельности для установления в них легального режима регулирования отношений». Опасность охватываемых понятием экономичес-

* Это в полной мере относится к упомянутой выше «пенитенциарной реформе» системы контроля над преступностью. Усматривать в ней проявление цивилизации или исторического прогресса в любом его понимании можно лишь с тем же основанием, что и в различиях между практиками святой инквизиции и репрессиями Ивана Грозного, с одной стороны, и ГУЛагом, Холокостом и ядерными бомбардировками японских городов, с другой.

кой преступности трансакций состоит не только в объеме наносимого ущерба*. Самые опасные болезни — это те, что конвенционально определяются как здоровье. А в контексте развивающейся в глобальном пространстве радикально-рыночной и гиперпотребительской ментальности обогащение любыми путями, в том числе нелегальными, вызывает чувство не только понимания, но и зависти, переходящей в восхищение и почитания**.

Помимо вопроса о приоритетных проблемах, существует еще и вопрос о максимально эффективных средствах их решения. Отнесение уголовной репрессии к таким средствам представляется отнюдь не само собой разумеющимся. В эмоциональном отношении такое отнесение вполне понятно — в комфортабельных кабинетах фирм и бюрократических структур принимаются решения, носящие характер народообмана, народограбления (по аналогии с международно-правовым понятием народоубийства) и в своих последствиях восходящие до степени геноцида. Естественным образом возникает острое желание выпащивать авторов этих решений, респектабельных, благообразных и авторитетных граждан — предпринимателей, депутатов и президентов — из их уютных кабинетов и поместить их для начала в Матросскую Тишину для последующего препровождения в лучший мир.

Однако же не получится. Уютные офисы пустыми не останутся, и в сравнении с их новыми обитателями прежние грабители народа могут показаться его благодетелями. Если наш собственный исторический опыт реагирования на «структурную макропреступность» уголовно- (не) правовыми мерами и его последствия уже истерлись из памяти, существует более свежий (и более скромный) опыт так называемых развитых индустриальных стран. Именно леволиберальные криминологи вместе с представителями гражданских движений обратили внимание общественности на асимметрию в работе уголовной юстиции, более активно преследующей преступления, типичные для низших социальных слоев. В этом вполне можно усмотреть систематическое нарушение на деле принципов равенства перед законом и соответствия меры наказания тяжести преступления. От критики — к делу: результатом явились кампании за криминализацию беловоротничковых преступлений экологического, экономического и т. п. характера. Кампании эти получили мощный резонанс и привели к соответствующим законодательным решениям [8]. Результат же в плане защиты окружающей среды и сокращения объема преступных экономических трансакций определяется одним словом — фиаско. Десятки вялотекущих процессов против явно третьестепенных фигур соответствующих афер с

*Общий годовой материальный ущерб от традиционных форм преступности в ФРГ измеряется суммой в 5-6 млрд. немецких марок; ущерб от экономической преступности, согласно экспертным оценкам — около 120 млрд. [4, S. 95]. Не все измеряется деньгами; однако, скажем, смертность от заболеваний, вызванных преступными (т. е. содержащими признаки соответствующих составов преступлений Особенной части УК) формами загрязнения окружающей среды может значительно преувеличить смертность от насильственной преступности в ее традиционном понимании [5, p. 33; 6, S. 5-12; 7].

** Иными словами, самая опасная и распространенная болезнь наркообразной зависимости от высоких и постоянно растущих доходов и уровня потребления определяется как образец здоровья и залог здоровой экономики, в свою очередь патологически зависимой от перманентного роста оборотов, освоения, открытия или изобретения новых рынков, навязывания людям все новых потребностей и в конечном итоге — повышения дивидендов на акции, усиления инвестиционных стимулов и ускорения процесса самоувеличения капитала.

явно слабой позицией обвинения и смехотворными приговорами*. На фоне повсеместной и вездесущей экономической преступности эти меры имели следствием скорее дискредитацию государственных усилий по борьбе с нею. Это явилось поводом для предложений предоставить уголовной юстиции заниматься тем, чем она традиционно успешно занимается и к чему она структурно и логически приспособлена — селективному преследованию типичных для низших слоев общества образцов социально опасного поведения [10]**. Если уж не может она действовать на основе принципов справедливости и карать, не взирая на лица, исходя лишь из общественной опасности деяния и его автора, — так имеет ли смысл питать иллюзии на этот счет? Провозглашение поддержания социальной справедливости как одной из функций уголовной юстиции в этих условиях — в лучшем случае пустая декларация (или маниловское пожелание), в худшем — маскировка действительных пороков и границ системы уголовного права и уголовной юстиции. Эти пороки и слабости уже давно получили очень компактное определение «структурной слабости» [12, S. 383; 13, S. 462]. Достаточно оснований полагать, что в современном обществе не может быть иной уголовной юстиции, кроме как «подслеповатой» на правый глаз (т.е. более терпимой к радикалам правого толка, нежели левого) и весьма беззубой в преследовании привилегированных членов общества***.

Используя далее излюбленную политиками и учеными консервативно-неолиберальной ориентации фразеологию военно-полицейской демократии (в настоящее время в неофициальной политологии используется термин «демократура»), можно сказать, что олигархи первыми «объявили войну» народонаселению России. Однако переход в контрнаступление против них может стать очередным шагом на пути к более или менее полному восстановлению тоталитарного государства. Будет ли это разумной ценой за столь вождеденное прищемление хвоста представителям нового среднего класса? Класса, старательно взращиваемого в ходе постперестроечного социально-структурного экспериментирования ценой обнищания широких масс населения и попустительства государственной власти к криминальным формам первоначального накопления капитала в целях мнимого обеспечения необратимости преобразований и создания социальной базы для правящей клики? Класса, представители которого утратили в судорожной лихорадке потребительского азарта чувства меры, здравого смысла, ответственности и собственного достоинства, в какой-то мере даже инстинкт самосохранения, не говоря уже о таких реликтах досовременного общества, как ум, честь и совесть. Черно-коричневая

* Это очень напоминает отечественную практику уголовно-правовой борьбы с коррупцией и взяточничеством [9, с. 238].

** Эта неудачная практика подготовила и плацдарм для контрнаступления (контрреволюции) классического направления в криминологии и *криминал-политике* в виде течения неоклассицизма [11]. *Криминал-политика* — Kriminalpolitik (нем.) — понятие, не совпадающее полностью с используемым в отечественной криминологии понятием уголовной политики. Другие понятия, заимствованные из иноязычного криминологического тезауруса, которым не найдено полного эквивалента в русском языке, также даны курсивом.

*** Беззубой не только и не столько в силу особых симпатий или доверия к ним, коррумпированности и низких моральных качеств чиновников, лучшей адвокатской защиты обвиняемых и т.п. Скорее речь идет о специфике совершаемых элитой преступлений, преследование которых связано с особыми трудностями для уголовной юстиции в силу ее структурных характеристик.

зависть гложет тех, кто охотно занял бы их место, либо просто все бы отнял и разделил по рецепту булгаковского Шарикова (в любом случае, разделив с ними синдром отсутствия вышеназванных морально-интеллектуальных качеств). Зависть требует справедливого возмездия, причем этим понятием исчерпываются в данном случае все представления о социальной справедливости. Стидливо-рефлексивный популист требует возмездия не от себя лично, а как раз от имени обманутых и возмущенных: если существующие власти не будут давить свое собственное детище — средне-новорусский класс — с энергией, достойной лучшего применения, чаша народного терпения в один прекрасный день переполнится. Тогда доведенные до отчаяния массы демократическим путем изберут новые власти, способные «давить» без ложной скромности и излишней сдержанности. Правда, это давление рано или поздно в полной мере испытают на себе и сами массы. В чем же различие между этой малоприятной перспективой и возможностью мутации нынешней политической элиты в тоталитарном направлении в порядке возмездного установления социальной справедливости? Мутации, некоторые признаки которой уже дают о себе знать. Ее основным содержанием является усиление позиции силовых ведомств, т. е. репрессивной составляющей властных структур. И если таким путем установится тоталитарный режим — в чем была бы его предпочтительность по отношению к фантазмагорическому режиму криминальной власти*?

Здесь хотелось бы развить парадоксальную, отнюдь не лишенную интеллектуального изящества и рационального зерна логику выступления профессора Милокова на заседании С.-Петербургского Криминологического клуба 19 декабря 2001 г. Профессор увидел в Гитлере главного организатора и вдохновителя победы советского народа в Великой Отечественной войне. Бесчеловечные действия немецкой армии по реализации амбиций и планов фюрера пробудили мощную ненависть в советских солдатах. Эта ненависть была источником боевой энергии, ставшей залогом победы (а если бы Вермахт воевал более цивилизованно, то выиграл бы войну?). Следуя этой логике «бумеранга», Сталина и Берию можно считать организаторами и вдохновителями XX съезда КПСС, разоблачения культа личности, распада СССР и крушения социалистической системы (по мнению автора — сущая правда). Злейшими вратами рыночной экономики с этой точки зрения явятся Мильтон Фридман и Фердинанд фон Хайек, а социального государства — Джон Мэйнард Кейнс. Что же касается будущего — набор предположительных вариантов вменения ответственности за его предположительно безрадостные перспективы невелик:

1) В настоящее время олигархи (ре)анимируют в коллективном сознании ненависть к капитализму и направленную против него боевую энергию. Этим они вдохновляют и организуют восстановление позиций большевизма посредством очеред-

* Установление такого режима в результате «криминальной революции» предрекают консервативные *криминал-политики* в случае, если нынешние власти не пойдут по пути усиления репрессии [14]. Недостаточность интереса к рефлексии понятия преступности предопределяет дискретное рассмотрение отечественной криминологией государственной и индивидуальной преступности в качестве феноменов разной природы. Их генетическое родство игнорируется, а черты сходства рассматриваются как случайные, поверхностные и относительные, в то время как противостояние — сущностное и абсолютное. Более гибкий подход к этим отношениям представлен в работе английского историка Чарльза Тилли «Ведение войны и создание государства как организованная преступность» [15].

ной социалистической революции (в другой редакции — кровавого и бессмысленного русского бунта). Попутно они своими (зло)деяниями вынуждают власти демонтировать правовые ограничения репрессии, чему власти охотно следуют. Происходит восстановление тоталитаризма «мирно-вельветовым путем».

2) Олигархи уже мало что могут организовать и вдохновлять (вспомним о Гусинском и Березовском). Давление на них на данном этапе уже вряд ли кому представляется «скромным», «сдержанным» и «излишне цивилизованным». Оно является лишь одним из аспектов деятельности Генпрокуратуры, ФСБ и прочих контрольно-правоохранительных органов и служб безопасности по вдохновлению и организации процессов, ведущих к очередным редакциям XX съезда, разоблачения культов, кризиса идеологических систем и распада государственно-территориальных структур.

Дальнейший вопрос к сторонникам усиления войны звучит по-грибоедовски: а полководцы кто? Кто должен стать генералами, полковниками и сержантами этой войны? Даже если бы можно было завербовать таковых в межзвездном пространстве, не перенасыщенном вирусами коррупции, они моментально заразились бы этой болезнью по вступлении в боевые действия. Действительно, смешно ожидать серьезных боевых успехов от армии — чиновников российской судебной и исполнительной ветвей власти, служб безопасности и т.п., — чья продажность снизу и доверху стала уже притчей во языцех во всем мире (соотечественники на основании знания собственного «жизненного мира» могут судить о том, относятся ли эти представления к активно муссируемым на Западе мифам о России или имеют под собой реальную основу). Не сомнительно ли активизировать операции армии, достигшей весьма высокой степени морального разложения? Предположительно, единственное, к чему может вести такая активизация, — это массовый переход на сторону противника и слияние с ним*. Таким образом, война с преступностью может стать катализатором того самого, уже реально протекающего процесса формирования «криминального государства», которым так любят страшить криминологи и *криминал-политики* консервативного толка. Призывая к усилению репрессии, они способствуют ускорению того самого процесса, которым столь озабочены и пытаются озаботить сограждан**.

При этом изобретения сколько-нибудь эффективного средства против коррупции не предвидится. Намек на самое примитивное решение содержится в ссылке

* Эксперты по вопросам демократии отмечают следующую особенность молодых демократических режимов Восточной Европы. Опасность грозит не «снаружи», со стороны антидемократических сил, способных «перехватить» власть антиконституционным путем. Более вероятно антидемократическая мутация тех сил, которые пришли к власти вполне законным, демократическим путем [16, S. 537]. Есть достаточно оснований полагать, что цена того или иного варианта развития не будет существенно различаться. При этом оплата будет предусмотрена в валюте, которой обычно оплачивается дурная политика — человеческом страдании [2, S. 12]. Экспертам же хотелось бы порекомендовать обратить внимание на подобную проблематику и в собственных странах.

** Использование насилия как средства решения разного рода личных и общественных проблем связано с высокой вероятностью получения результата «с точностью до наоборот». Здесь уместно вспомнить о крылатой, универсальной радиуса действия фразе Фридриха Ницше: «Применение насилия есть символ силы и симптом слабости». Это единственное, в чем автор цитаты сходил с со столь же отличным по взглядам, сколь равным по интеллектуальной мощи мыслителем, как Эмиль Дюркгейм [цит. по 17, p. 445].

на некоррупционированность чиновников в благополучных государствах, состоящую в мнимой связи с их высокими должностными окладами. Вне зависимости от содержания мифологии в этих представлениях трудно представить себе, за счет каких источников могут быть подняты оклады чиновникам контрольных инстанций. За счет бюджетной медицины, культуры, системы образования? До какого уровня следует поднимать оклады, чтобы окончательно удовлетворить аппетиты? Есть ли вообще такой уровень, по достижении которого полностью отпадает желание, получить еще что-либо «сверх того»? Особенно в условиях нынешней, фиксированной на материальном потреблении ментальности, девизом которой может служить формула «сколько бы ни было — все мало»?

Или же создать особые чрезвычайные государственные органы по контролю над коррупцией? Тогда следует сразу предусмотреть перспективу создания следующего уровня органов по контролю над коррупцией в органах по контролю над коррупцией. Причем следует учитывать, что с повышением уровня экспоненциально возрастает и прозорливость принадлежащих к нему чиновников. Нагромождение контрольных уровней способно решить лишь проблему трудо- и жизнеустройства ряда сильных своими контактами и прочими формами социального капитала сограждан, но никак не проблему коррупции.

О реформировании карательной системы

Особого комментария заслуживает высказанное профессором Бурлаковым на вышеупомянутом заседании Криминологического клуба предложение касательно радикальной реформы уголовно-исполнительной системы с заменой нынешних ИТУ ссылкой. Прежде чем перейти к сути вопроса, отметим ряд его технических и организационных аспектов. Предусмотрен ли какой-либо контроль над отбывающими ссылкой, или они должны быть полностью предоставлены сами себе? Предоставляется ли им какая-либо жилая, инженерная и производственная инфраструктура, или они должны сами решать вопросы собственного выживания? В какой форме и качестве возможен обмен между «большой землей» и территорией ссылки и как должен осуществляться контроль над границей (возведение сооружений вроде государственной границы, рвы и валы, видеонаблюдение, размещение на островах)? Где и на каких условиях могут быть размещены такие территории — по согласованию с местными властями, на коммерческих началах с оплатой из государственного бюджета и т.д.?

Самое же интересное — это не возможные ответы на данные вопросы, а удивительно точное воспроизведение основной логики развития контроля над преступностью на рубеже столетий во всемирном масштабе. Ранее этот контроль выполнял функции включения или *инклюдзии* — насильственного включения в системы производства и воспроизводства общества его спонтанно выпадающих из данных систем членов. В этом ключе можно рассматривать ГУЛаг, равно как и более цивилизованные формы инклюдзии. **Функционировать они могли** на фоне и при условии выполнения основной работы по социальному контролю базисными институтами общества — семьей, соседскими структурами, трудовыми отношениями и рынком труда, компенсируя относительно редкие сбои этих институтов [18, р. 7, 230]. **Функционировать они должны были** в силу того, что вовлечение всех трудоспособных членов общества в процесс производства было условием возможно быст-

рого самоприроста капитала, т. е. обогащения определенных слоев общества [19, р. 7 и далее], а также поддержания обороноспособности, т.е. упрочения положения силовых структур в обществе. Это было общество, описанное Йокком Янгом как «каннибалистическое» [20, р. 74].

Времена меняются, и на смену каннибализму пришла булимия*; на смену *инклюдивному* — *эксклюзивное* общество [20, там же]. Теперь включение всех не только не нужно, но и невозможно. В условиях нынешней экономики рынка труда не в состоянии адсорбировать всех желающих; армия безработных превращается из «резервной армии труда» в массу «отходов»; контроль над преступностью превращается в «систему управления отходами» (*waste management*) [18, р. 4; см. также: 3; 21, S. 66]. В условиях «постмодернистского» разложения традиционных базисных структур свои их становятся столь массовыми, что не могут уже быть компенсированы усилиями специальных инстанций социального контроля. Но самое главное — ускорение процессов прироста капитала обеспечивается теперь извращением от излишнего персонала. После чего этот персонал в качестве претендентов на социальную помощь и пособия по безработице превращается в расходным фактор в контексте общества, чья рациональность и нормативные представления все более оформляются по образу и подобию балансовой логики бухгалтерии предприятия.

В этих условиях было бы очень соблазнительно сослать куда-либо «исключенных». Однако сослать-то особо некуда, да, собственно, и не нужно. Турбурьночные отношения решают эту проблему без открытия новых планет, которые могли бы послужить местом ссылки. Они же решают все организационные и технические вопросы, поставленные выше. Достигается это совершенно обычными и привычными рыночными эффектами: богатые становятся еще богаче, бедные становятся еще беднее. Государственное вмешательство с целью сглаживания этих эффектов стало весьма немодным в результате якобы окончательной самодискредитации плановой экономики и триумфа неолиберальной экономической религии. Рыночные эффекты дезинтеграции имеют пространственный аспект, причем речь может идти о территориальных, социальных и виртуальных пространствах.

Обратимся к жанру антиутопии и представим себе следующее. Согласно прогнозам, к середине наступившего столетия 20% мирового населения смогут производить и потреблять все, что может производиться и потребляться [22, S. 12]. При сохранении сегодняшних тенденций и темпов социального и экономического развития это означает возникновение двух миров или пространств. В одном из них будут сконцентрированы все социальные, политические, технологические и прочие достижения цивилизации. Здесь вы найдете самую аутентичную и при этом эффективную, в формальном и материальном отношении безупречную демократию; высокий уровень качества жизни, включая такой его аспект, как внутренняя безопасность; высокий уровень потребления как конституирующий признак и несущую конструкцию этой половины мира; высокий уровень гражданской активности по решению разного рода проблем, в частности, экологических; воплощение в жизнь

* Болезнь, состоящая в психически обусловленной неспособности организма воспринимать пищу, например, вследствие гиперфиксации на идее похудения (в отечественной психиатрии обозначается термином «анорексия»).

самых передовых технологий урегулирования конфликтов, профилактики а/анти-социального поведения и поддержания гражданского мира (подобных тем, что предлагаются аболиционистами в качестве альтернатив уголовному процессу) и т. д.

На долю же другой, «исключенной» части человечества придется скорее темная сторона цивилизации или цена ее. Жизнь в трущобах и фавеллах, в лучшем случае — одноликих многоквартирных домах-ульях, напоминающих архитектурный стиль эпохи развитого социализма и фильм «Ирония судьбы». Эксцессивное применение средств государственного насилия для поддержания порядка будет большим благом (или меньшим злом) в сравнении с полным попустительством государственной власти в отношении всех безобразий и бесчинств «исключенных граждан» в отношении друг друга. В самом деле, зачем расходовать впустую дефицитные ресурсы? Тем более, что криминологией доказано: уровень эффективности государственного насилия в качестве средства поддержания внутренней безопасности колеблется возле нуля*. Вместо демократии — охлократия; вместо правового государства — право сильного. Для поддержания видимости гуманных черт современной цивилизации и из боязни задеть ее нарциссические чувства предполагается предусмотреть «*tittitainment*» — снабжение этой «менее успешной» (а если обходиться без эвфемизмов — худшей и излишней) части человечества напичканными химией продуктами, легкими наркотиками, произведениями дешевого искусства и развлекательной индустрии (образчики которой в последнее время были активно восприняты отечественным телевидением в порядке его включения в общецивилизационный процесс — мыльные оперы, передачи про слабые звенья и последних героев, вождение миллионов, поля чудес, застекольную жизнь и т. п.).

Если представленная картинка вызывает недостаточно конкретные ассоциации, для конкретизации образа достаточно назвать одно число — 1984 и одно имя — Джордж Оруэлл. Названный автор, правда, пытался изобразить будущее социализма, не стесненного конкуренцией с альтернативной общественной системой. Однако в том-то и состоит один из самых захватывающих парадоксов современности, что не стесненный более наличием альтернативной системы турбокапитализм

* Чтобы представить себе эти условия более наглядно, достаточно вспомнить изображения гетто вроде Южного Бронкса в некоторых голливудских фильмах. А еще лучше — ознакомиться с работой Майка Дэйвиса про Лос-Анджелес, где приводится, в частности потрясающая цифра — уровень убийств в одном из дезорганизованных гетто этого города превышает 100 [23, р. 450] — данные приводятся как процент убитых за определенный период времени, перерасчет произведеною — В. Г.). Это при том, что в среднем по США этот уровень колеблется возле цифры 10; в России после всех скачков, связанных с рыночными реформами и социальной трансформацией — около 20, в охваченной кокаиновой войной Колумбии — свыше 50 (Данные ежегодника World Health Service. — Geneva; цит. по Отчету исследования «Население и милиция в Большом городе» за 2001 г.). В книге рассказывается и о гетто противоположного типа — так называемых «*gated communities*» — фешенебельных районах, характеризующихся обитанием суперзвезд, суперценами на участки, отсутствием каких-либо проблем с внутренней безопасностью в парадоксальном сочетании с грандиозными усилиями государства, частных лиц и коммунальной общественности по поддержанию этой самой безопасности — возведение стен и рвов, системы видеонаблюдения, найм вооруженных до зубов рэмбообразных охранников, патрулирование улиц общественностью, информирование полиции о появлении «чужих» или «подозрительных» лиц и т. д. Жизнь в таких гетто раем не назовешь — не зря там пышным цветом цветут психические заболевания и фашистские настроения [24, S. 152]. Сопоставление двух типов гетто помогает иллюстрировать представленную выше модель дезинтеграции общества.

чреват плодами, странным образом напоминающими те, что в свое время производил на свет турбосоциализм. С всемирно-исторической победой капитализма над социализмом Рональд Рейган действительно отправил нечто на свалку истории — точнее, помог объекту в его самостоятельном, причем весьма поспешном, продвижении к свалке. Ошибался он только в одном — на свалке оказалась не помеха благополучному существованию и развитию «системы-победительницы», а одна из предпосылок такого существования: «Гораздо больше преимуществ, нежели от эксплуатации Третьего мира, мы получали от функционирования Второго мира — отсутствие этих преимуществ надлежит теперь компенсировать за счет собственных внутрисистемных ресурсов» [25, S. 291–292]. Победа капитализма над социализмом открыла дорогу развитию таких концепций и тенденций, которые сводят на нет именно те качества «системы-победительницы», что сделали эту победу возможной. И вот она спешно избавляется от человеческих черт, как бы смывая макияж, который вынуждена была наложить в эпоху противостояния систем. На Западе, как и на Востоке, с задачей тоталитарной организации общества сверхмощный суперрынок справляется нынче не менее успешно, чем ранее супермощное сверхгосударство. При этом ни одно государство не преуспевало в осуществлении своих амбиций на мировое господство в степени, сравнимой с успехом глобализующихся рыночных структур. Еще одно конкретное воплощение оруэлловской антиутопии, согласно наблюдению английского криминолога Яна Тэйлора: «Идея прослеживаемого насквозь общества — как в антиутопическом видении Джорджа Оруэлла в "1984" — уже здесь... Ирония состоит в том, что следящий взгляд исходит не от "государства-большого брата", но скорее от "свободного" и либерального рынка (государство привлекается к участию в этом процессе, например, в виде спонсирования систем видеонадзора — государство, подвергаемое, тем не менее, "сокращениям" и "урезаниям" в духе рыночной рациональности)» [26, p. 213].

Если представленные выше ужасы станут реальностью, тем самым будет реализована идея о замене системы ИГУ институтом ссылки. При этом не потребуется ничего дополнительно организовывать или изыскивать свободные территории. Достаточно всем оставаться на местах — успешно включаемым в современные экономические структуры на своих, а выпадающим из этих структур — на своих. А полиция переключается на совершенно новую функцию. Функция эта, в отличие от контроля над преступностью в масштабах национального общества, окажется ей по плечу. Она будет состоять в контроле над границей между двумя обозначенными сферами и недопущении «исключенных» в пространства, где они могут получить доступ к значительным средствам, дорогостоящим устройствам, сооружениям и средствам коммуникации, и все это, естественно, изгадить, засорить и привести в негодность* [27]. Или испортить своим видом настроение и потребительский ап-

* А криминология уже вытаскивает на свет божий некоторые траченные молью концепции, доказывающие взаимосвязь между неспособностью к ответственному и инициативному участию в экономической жизни и общественной опасностью, социальным инфантилизмом, дегенеративными чертами, склонностью гадить, портить, ломать... (на сегодняшний день под ответственным экономическим поведением понимается скорее инициативное потребление, нежели участие в производстве) [19]. Следует обратить внимание на очередное «структурное сочленение» тоталитаризма и коммерциализма. Безопасность не есть правовая ценность или аспект качества жизни, гарантируемые всем гражданам по возможности в равной мере. Скорее речь идет о защите одних групп населения от других. В

петит обитателей высокоорганизованных гетто. Пробудить в них сомнения в совершенстве устройства социального мира и заставить их соприкоснуться с экзистенциальными проблемами, от чего человека тщательно охраняет организация социальной жизни в эпоху «*поздней, или высокой современности*» [28, p. 8].

Осуществление данного сценария было бы одновременно выходом из кризиса наказания или контроля над преступностью, о котором любит говорить профессор Яков Гишинский. Проблемы неэффективности, негуманности, дороговизны наказания отпадают вкупе с самой практикой наказания. На смену приходит лишенный каких-либо моральных амбиций пространственный (включая социально-пространственный и виртуально-пространственный) контроль и технократическое управление рисками.

Следует только принять в расчет следующее. Функциональная трансформация контроля над преступностью сопровождается изменением критериев вмешательства или реагирования полиции. На смену подозрения в совершении преступления как четко определенного уголовно-процессуального основания для задержания либо обыска приходят доступные весьма произвольному и широкому толкованию визуальные признаки общественной опасности (наподобие тех, в наличии которых частная охрана дискотек, ресторанов и т. п. заведений усматривает основания для удаления нежелательных либо подозрительных посетителей). Поскольку признаки эти статистически сверхпропорционально представлены в определенных слоях населения, контроль над преступностью все более приобретает черты контроля над группами населения. Полиция имеет дело не с виновным или подозреваемым лицом, а с «*опасным или подозрительным классом*» (лиц). Индивиды же подвергаются преследованию не на основе их индивидуальной вины, а на основе наличия признаков «*повышенного профиля риска*», характерного для *опасных классов (dangerous classes)*. Установлением таких профилей риска, вместо трудоемкого установления индивидуальной вины, все более занята полиция, превращаясь в одного из субъектов *контроля над рисками* или *управления* ими [27].

Данное развитие содержит в себе полный набор криминологически значимых признаков тоталитаризма — принцип коллективной ответственности, репрессивный контроль над группами населения, вероятностный принцип применения репрессии*. Оно позволяет наблюдать себя воочию уже на протяжении ряда лет в

коммерциализированном варианте это защита тех, кто может купить *коммодифицируемую* (превращаемую в товар, предмет купли-продажи) безопасность, от тех, кто не может себе этого позволить. Различие состоит лишь в том, что государственный тоталитаризм защищает «более ответственных работников», занимающих места на определенных этажах политической системы, в то время как рыночный тоталитаризм — «более ценных потребителей», занимающих определенные этажи экономической системы. В аналогичном направлении *коммодификация* изменяет социальный смысл и содержание категорий здоровья, любви, справедливости — в случае здоровья меняется и лексическое обозначение: *фитнес*.

* Объект применения насилия определяется на основании внешних признаков, состоящих в вероятностной взаимосвязи со склонностью к преступным действиям, реализованной в прошлом либо обещающей проявить себя в будущем. В любом случае это реальное проявление или реализация уже не требуют доказательства — достаточно статистически взаимосвязанных признаков. Подобная логика лежала в основе расправы с «выходцами из эксплуататорских классов» либо «членами семей врагов народа». Вина их не была установлена, однако же от них с повышенной вероятностью можно было ожидать недовольства режимом либо же сопротивления ему — режим сам предоставил все на то основания. Еще дальше идет теория «*разбитых окон*» — применять полицейское насилие реко-

Нью-Йорке, на примере детища «человека 2001 года» — экс-мэра Рудольфа Джулиани и его шефа полиции Уильяма Брэттона — так называемой полицейской стратегии «нулевой терпимости» [30].

Может быть, соотношение различных частей общества будет отличным от 20% к 80%. А возможно, и весь данный прогноз окажется не более чем плодом воспаленного и взбудораженного чтением критической литературы криминологического воображения. Не исключено, однако, что отдельные элементы прогноза становятся и стали действительностью уже сегодня. Вовлеченные в реальные процессы *жизненного мира* люди имеют больше оснований судить об этом, нежели аналитики, чей взгляд на мир и сознание в целом деформированы постоянными упражнениями с абстрактно-умозрительными схемами. Конечным критерием будет будущее, которое, будем надеяться, не оправдает большинства мрачных предположений. Этому и хотелось бы способствовать, выполняя одну из социально-научных задач. Задача эта состоит в привлечении внимания общественности к некоторым импликациям текущих процессов развития — дабы общественность была в курсе, какие последствия эти процессы, представляемые сегодня естественными, безальтернативными и в высшей степени прогрессивными, могут иметь завтра и послезавтра [31, р. 12, 133 и далее].

В завершение остается сделать ряд частных замечаний. Первое из них касается высокой конъюнктуры вопроса о смертной казни. Похоже, что этот вопрос стал в российском криминологическом сообществе чем-то вроде теста на измерение консервативности/либеральности *криминал-политических* взглядов. При всей важности этого вопроса, придание ему такого «классифицирующего» значения представляется существенным упрощением действительности. Самого ярого противника смертной казни вряд ли можно определить как «либерального криминолога», если он считает соотношение карательных и некарательных мер социального контроля нарушенным в ущерб первым и в пользу последних.

Вопрос о смертной казни имеет огромное абстрактно-символическое и экзистенциальное значение, как вопрос о сущности и ценности индивидуальной жизни, об отношении между государственно организованным обществом и индивидом. Этот вопрос имеет и непосредственное значение для сотен индивидов, будучи вопросом их жизни и смерти. Вопрос же о соотношении репрессивных и нерепрессивных мер, при всей его кажущейся абстрактности, оборачивается вполне конкретными последствиями для десятков и сотен тысяч индивидов (в частности, как вопрос о жизни или смерти от туберкулеза в системе ИТУ). Помимо этого, ответом на него в большей степени определяется характер существующей и возникающей социальной реальности — является ли она действительным воплощением провозглашаемых принципов гуманизма или же развивается независимо от них, делая их пустыми декларациями (как в свое время реальность развитого социа-

мендуется к лицам, демонстрирующим образцы поведения, состоящие лишь в пространственно-причинной взаимосвязи с преступностью: бездомным, попрошайкам, проституткам. Вина их состоит лишь в том, что именно в тех районах, где их больше, более пыльным цветом цветет и преступность. Задача полиции — не борьба с преступностью, а насильственное устранение (из поля зрения) лиц, чье поведение представляет собой симптомы и символизирует социальную дезорганизацию местности, ведущую рано или поздно к выцветанию «настоящей» преступности [29].

лизма обошлась или разошлась с декларациями «коллективизма» или же «интернационализма»).

Мои собственные предложения по реформе контроля над преступностью могли бы стать темой отдельной работы. Здесь же хотелось бы высказать два самых общих пожелания. В системе юридической догматики и ее преподавания следовало бы резко возвысить принцип субсидиарности наказания над принципами его неотвратимости, пропорциональности* и т. д. Все эти принципы важны, но на сегодняшний день первым среди равных представляется все же принцип, согласно которому наказание выступает крайней мерой, применяемой лишь тогда, когда иные средства и методы уже не действуют. Стоит ли говорить, что это предполагает интенсивное развитие всевозможных альтернативных, некарательных форм реагирования на преступность, охраны порядка, урегулирования конфликтов и т. д.; широкомасштабную декриминализацию; смещение приоритетов в пользу социальной, семейной, молодежной и прочих некарательных отраслей политики. Далее, хотелось бы высказаться в пользу расширения теоретического и прикладного углов зрения криминологического анализа и *криминал-политики* (в зарубежной криминологии такое расширение обозначается как *трансгрессия*). Это противоречит предложениям одной из поп-звезд нынешней криминологии Джеймса К. Вильсона по мнимой прагматизации криминологии [32, р. 49]: прагматизация означает отказ от занятия «идеологическими» вопросами, касающимися отношений общества и преступности. Тем самым за рамки криминологии выводится, скажем, **вопрос об эффективности карательно-силовых методов противодействия преступности** — в ведении криминологии остается лишь **вопрос о повышении эффективности карательно-силовых методов**. *Трансгрессия* исходит из признания того факта, что единственно реалистичные решения проблем контроля над преступностью находятся за пределами сферы компетенции собственно контроля над преступностью в его узком понимании. При сохранении общества в нынешнем его состоянии и дальнейшем продвижении по тому пути, на котором оно находится, любые меры по совершенствованию работы прокуратуры, судов, полиции, уголовно-исполнительной системы будут иметь лишь эффект *плацебо* в смысле самоубеждения бюрократии в достаточно усердном выполнении ею своих социальных функций — и пиаровский эффект в смысле убеждения граждан в озабоченности властей вопросами их безопасности и принятии мер по ее обеспечению).

И, в заключение, несколько слов для тех, кто считает изменение общества задачей, **объективно нерешаемой** в принципе либо в «**данных условиях**» и выходящей за пределы сферы практического действия**.

* Есть подозрение, что чрезвычайно низкая степень реального осуществления базисного принципа независимости судов в сочетании с убогой материальной базой уголовно-исполнительной системы, усугубляющей селективность правосудия и тем самым дополнительно подрывающей следующий базовый принцип равенства перед законом, в значительной мере лишает смысла принцип неотвратимости наказания.

** В наилучшем виде эта позиция сформулирована в следующем высказывании по поводу возможности воздействия на социальные корни или фундаментальные причины преступности: «Или мы понимаем эти фундаментальные причины преступности в степени, недостаточной для организации политического воздействия на них, либо они находятся за пределами реальных возможностей такого воздействия по их устранению» (Ричард Познер, Председатель Высшего апелляционного суда США при Рейгане), цит. по [33, с. 94].

Объективность невозможности реформирования содержит в себе столь же мало объективного, сколь данные условия «(за)даются» кем-то или чем-то извне или свыше. Видимо, «извне и свыше» находится некая потусторонняя метареальность, недоступная для воздействия со стороны тех, кто сокрушается о данностях сего мира и невозможности его изменения. Нет ничего более субъективного, нежели объективные данности, на которые ссылаются при обосновании политического бездействия. Замена модальности с «не хочу» на «не могу» слишком часто имеет целью убедить себя и окружающих в невозможности действия. А если эта невозможность воспринимается как реальная, то, согласно теореме Томаса, такое восприятие будет реальным и в своих последствиях. Особенно успешно такого рода трансформация теоретической реальности в эмпирическую осуществляется путем заунывной декламации в стиле оруэлловского «Скотного двора». При этом потоки крокодиловых слез, сопровождающие декламацию, не препятствуют *седушкин* принципа безальтернативности текущего развития (Пьер Бурдьё называет его принципом «TINA» — *There Is No Alternative* — у нас нет альтернативы). Таким образом конструируется «объективная реальность», жестко предписывающая политическое действие по сохранению этой реальности в ее настоящем виде и столь же жестко ограничивающая возможности действия по ее изменению.

Уместно еще одно замечание по поводу неприятия альтернативной юстиции и более сдержанной карательной практики: идей привлекательных, но, якобы, **неосуществимых** в условиях нашего общества. Нежеланием что-либо менять в этих условиях, достаточно комфортных для определенного круга лиц, как раз и подпитываются представления о **неосуществимости**. К сожалению, именно эти лица и определяют официальную позицию по вопросам изменений. Тем же, кто ничего не определяет и чувствует себя дискомфортно, остается верить либо не верить в «объективную невозможность преобразований». Однако и это важно — чем **меньше** людей будут верить демагогическим и безосновательным заявлениям о том, что при смягчении карательной практики нас поглотит «волна преступности», произойдет криминальная революция, наступит anomia, анархия и описанная Томасом Гоббсом «война всех против всех», тем **шире** будут «объективные возможности» для гуманизации уголовной юстиции, уголовно-исполнительной системы и общества в целом.

В этой связи вспоминается формулировка ответа на вопрос о том, «что же можно сделать в **данных условиях?**» Вопрос риторический и предполагает недвусмысленный ответ: «в **данных-то условиях** ничего-то и не поделаешь». Этот ответ — правильный с точки зрения составителя теста по «реальной политике» или «политическому реализму». Есть, однако, и неправильный ответ — изменить «**данные условия**» [34, р. IX]. Например, радикально снизить интенсивность и сократить масштабы карательной практики. Поглощая огромные ресурсы, она не ведет к ожидаемым от нее обще- и специальнопревентивным эффектам, повышению уровня безопасности, восстановлению социального мира и справедливости, нейтрализации социально-деструктивных эффектов рыночной экономики, урегулированию конфликтов, оказанию реальной помощи потерпевшим, выполнению каких-либо еще социально полезных функций. Зато она способна удовлетворять и далее стимули-

ровать карательные притязания, логику возмездия и отмщения в личных и общественных отношениях, авторитарно-тоталитарные политические установки. И способствовать дальнейшему превращению нашего общества в такое, возрастающую долю которого составляют заключенные либо бывшие заключенные. С возрастанием их числа растет и «объективная» потребность в росте контрольного аппарата*. Таким образом карательная практика, в лучших традициях *автопойезиса*, воспроизводит те самые «данные условия», на которые ссылаются при обосновании невозможности ее реформирования. И вносит посильный вклад в воспроизводство такого общества, которое не поддается реформированию и в условиях которого невозможно реформирование уголовной юстиции, карательно-правоохранительной и уголовно-исполнительной систем.

В задаче изменения общества нет ничего нереального или сверхъестественного. Для этого нужно немного, но это действительно нужно — в частности, реформировать карательную систему и начинать с этим сегодня — не дожидаясь, пока созреют, будут даны или упадут с неба «необходимые для этого условия». Создание общества или условий, в которых возможно смягчение и гуманизация карательной практики, следует начинать со смягчения и гуманизации карательной практики.

Литература

1. Гишинский Я.И. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб.: СПб ФИС РАН, 1998.
2. Bauman Z. Die Krise der Politik. Fluch und Chance einer neuen Oeffentlichkeit. Hamburg: Hamburger Edition, 2000.
3. Wacquant L. Elend hinter Gittern. Konstanz: UVK, 2000.
4. Leder H.-K. Dunkelfeld. Bemerkungen aus devianz- und kriminal-soziologischer, kriminologischer und wissenschaftstheoretischer Sicht. Frankfurt/M., 1998.
5. Coleman J.W. The Criminal Elite. The Sociology of White Collar Crime. N.Y., 1985.
6. Hess H. Repressives Verbrechen // Kriminologisches Journal. 1976. Jg. 8.
7. Jaeger H. Makrokriminalitaet. Frankfurt/M., 1989.
8. Hess H. Kriminologen als Moralunternehmer // Vom Guten, das noch stets das Boese schafft. Kriminal-wissenschaftliche Essays zu Ehren von Herbert Jaeger / Hrsg. L. Boellinger, R. Lautmann. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1993.
9. Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб. и др., 2002.
10. Hassemer W. Kennzeichen und Krisen des modernen Strafrechts // ZRP. 1993. Heft 10. 1–4.
11. von Hirsch A., Jareborg N. «Neoklassizismus» in der skandinavischen Kriminalpolitik // Neuere Tendenzen der Kriminalpolitik. Beitrage zu einem deutsch-skandinavischen Strafrechtsskolloquium / Hrsg. A. Eser u.a. Freiburg i. Br.: Max-Planck-Institut, 1987.
12. Sack F. Fragen und Befunde einer Strafrechtssoziologie // Handbuch der empirischen Sozialforschung. / Hrsg. R. Koenig. Bd. 12. Stuttgart, 1978.

* Что противоречит не только соображениям гуманизма, но и описанной выше тенденции постмодернизации социального контроля с переходом от модуса «включения» к модусу «исключения». Таким образом, сохранение и расширение пенитенциарной системы означает двойное отставание — от тенденций, отвечающих идеям леволиберальной криминологии, и от тех, что являются предметом ее критики — тенденций, причудливое сочетание которых определяет противоречивый облик и развитие контроля над преступностью в современном мире.

13. Sack F. Selektion und Selektionsmechanismen // Kleines Kriminologisches Woerterbuch / Hrsg. G. Kaiser, H.-J. Kerner, F. Sack, H. Schellhoss. Heidelberg, 1993.
14. Лунеев В. Преступность в XX столетии: мировые, региональные и российские тенденции развития. Москва, 1997.
15. Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / Eds. P.-B. Evans, D. Rueschmyer, T. Skocpol. Cambridge, 1985.
16. Merkel W. Systemtransformation. Opladen: Leske + Budrich, 1999.
17. Garland D. The Limits of the Sovereign State. Strategies of Crime Control in Contemporary Society // The British Journal of Criminology. 1996. Vol. 36. No 4.
18. Simon J. Poor Discipline. Parole and the Social Control of the Underclass, 1890–1990. Chicago; London, 1993.
19. Bauman Z. Work, Consumerism and the New Poor. Buckingham-Philadelphia: Open University Press, 1999.
20. Young J. The Exclusive Society. Social Exclusion, Crime and Difference in late Modernity. London, 1999.
21. Bauman Z. Unbehagen in der Postmoderne. Hamburg: Hamburger Edition, 1999.
22. Martin H.-P., Schumann H. Die Globalisierungsfalle. Der Angriff auf Demokratie und Wohlstand. Hamburg: Rowohlt, 1996 (русское издание: Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. Москва: Альпина, 2001).
23. Davis M. City of Quartz. Ausgrabungen der Zukunft in Los Angeles. Berlin; Goettingen, 1994.
24. Davis M. Oekologie der Angst. Muenchen, 1999.
25. Offe C. Der Tunnel am Ende des Lichts. Erkundungen der politischen Transformation im Neuen Osten. Frankfurt-New York: Campus, 1994.
26. Taylor J. Crime in Context. A Critical Criminology of Market Societies. Oxford: Polity Press, 1999.
27. Ericson R., Haggerty K. Policing the Risk Society. Toronto: University of Toronto Press, 1997.
28. Giddens A. Modernity and the Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.
29. Wilson J.Q., Kelling G.L. The Police and Neighbourhood Safety. Broken Windows // The Atlantic Monthly. 1982. March.
30. The Politics of Injustice: Crime and Punishment in America / Eds. K. Beckett, T. Sasson. London: Pine Forge, 2000.
31. Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея Пресс/Дом интеллектуальной книги, 1999.
32. Wilson J.Q. The Politics of Crime: The American Experience. A debate between Elliot Currie and Janes Q. Wilson // The Politics of Crime Control / Eds. K. Stenson, D. Cowell. London et al.: Sage Publications, 1991.
33. Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1.
34. Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the Crisis. Mugging, the State, and Law and Order. London: Macmillan Publishers, 1978.